

СИМУЛЯКРЫ И СИМУЛЯЦИЯ

Метафизика в ловушке: философские аспекты вызова, брошенного Бодрийяром гиперсовременности

Матиас Бензер

*School of Social Sciences. University of Manchester
Oxford Road. Manchester, M13 9PL, England*

Эта самоубийственная энергия, поглотившая большинство начинаний, энергия, направленная не столько на созидание, сколько на разрушение¹.

«Теоретик? — Согласен. Метафизик? — Возможно». Ответив так на вопрос интервью о своей интеллектуальной ориентации, Бодрийяр намекнул на загадочность своей работы, противоречащей очевидной легкомысленности ее формулировки². Его попытка связать теорию гиперсовременности с умеренной метафизикой создает философскую запутанность, заслуживающую близкого рассмотрения и тщательного изучения. Размышления делают эти философские сети более запутанными, чем кажется на первый взгляд, но их структура еще более удивительна. Бодрийяр анализирует «чрезвычайные явления» как нападения на сам порядок реальности, что проливает свет на его теоретическое исследование *status quo*. Рассматривая гипотезы о трансцендентальных законах, управляющих миром, и случаи чрезвычайных явлений, эта работа освещает также его специфическую метафизику. Однако формулировки трансцендентальных гипотез Бодрийяра могут привести к недоразумениям. Не раз они приводили к отождествлению метафизики Бодрийяра с ницшеанской³. *Hinterweltler* — серьезное упреждение, ограничивающее теоретика и игнорирующее его «возможно». Чтобы объяс-

© М. Benzer, 2008.

© М.Е. Богданова, перевод, 2009.

¹ Baudrillard, J. *Cool Memories II. 1987–1990*. Cambridge: Polity Press, 1996. P. 61.

² Baudrillard J. *Baudrillard Live: Selected Interviews*. London: Routledge, 1993. P. 43.

³ Nietzsche F. *Also sprach Zarathustra. Ein Buch für Alle und Keinen*. Berlin: DeGruyter, 1968. P. 31–33 (Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого // Сочинения. В 2-х т. Т. 2. Пер. Ю.М. Антоновского. М.: Мысль, 1990. С. 25).

нить проект и теоретика, и метафизика (испытывающего значительные сомнения в адекватности этого ярлыка), трансцендентальные гипотезы Бодрийяра должны быть рассмотрены в рамках его анализа чрезвычайных явлений как нападений на существующий порядок изнутри. Бодрийяр использует метафизику только для игры с трансцендентальными идеями, позволяющими теоретику размышлять и, прежде всего, атаковать гиперсовременность, ставшую чрезмерной. Фактически, не только образ теоретического террориста может полностью передать это интеллектуальное предприятие. Впоследствии Бодрийяр описывает крайние явления как «благоприятные». Такие положительные оценки также могут ввести в замешательство — на первый взгляд кажется, что теоретик опровергает случайные проявления пока скрытой метафизики. Однако если воспринимать оценки Бодрийяра как элементы игры с метафизикой, они открывают неожиданные ракурсы его вдохновленных метафизикой теоретических выступлений против системы гиперсовременности. Бодрийяр приносит в жертву критическую мысль. Эта жертва позволяет теоретику превзойти жестокость глобального террора и отодвинуть свои атаки на status quo на один шаг от радикализма.

I

Анализ того, что Бодрийяр называет чрезвычайными явлениями, особенно краха реальности и терроризма, находится в центре его теоретического исследования «нашей гиперсовременности»¹. Согласно этому анализу, чрезвычайные явления имеют две важных особенности: они атакуют гиперсовременный порядок, но все же они полностью обусловлены существованием этого порядка как такового. По выражению Бодрийяра, «слишком много всего, и система рушится от избытка»².

Крах реальности обусловлен «ультрареализацией»³. «Реальное, — писал Бодрийяр, — исчезает... но не из-за недостатка — напротив, из-за избытка. Избыток реальности положил ей конец»⁴. Ультрареализация активно развивается в рамках системы реальности и впоследствии оборачивается против нее. Можно воссоздать этот разрушительный процесс.

Как известно, для Бодрийяра констатация реальности чего-либо зависит от возможности выделения противоположности. Если абстрагироваться, то такой подход верен даже для подтверждения самой реальности: «...Эффект реальности всегда относится к порядку воображаемого»⁵. «Это всегда вопрос доказательства реального через воображаемое»⁶. Такой своего рода скелет, или «принципы реальности», подтверждают все мыслимые факты.

Реальность природы, ее «объективность» и «материальность» возникают лишь в результате разделения человека и природы... При половом делении мужского/женского... «женщина» есть просто воображаемое мужчины... Даже реальность тела, его материальный статус проистекает... из отделения души от тела... Реальность

¹ Baudrillard J. *The Transparency of Evil. Essays on Radical Phenomena*. London: Verso, 1993. P. 75 (Бодрийяр Ж. *Прозрачность зла*. Пер. Л.Любарской, Е.Марковской. М.: Добросвет, 2000. С. 61).

² Baudrillard J. *The Intelligence of Evil or The Lucidity Pact*. Oxford: Berg, 2005. P. 191.

³ Baudrillard J. *The Vital Illusion*. London: Columbia University Press, 2000. P. 78.

⁴ Ibid. P. 65–66, 81.

⁵ Baudrillard J. *Symbolic Exchange and Death*. London: SAGE, 1993. P. 137 (Бодрийяр Ж. *Символический обмен и смерть*. Пер. С. Зенкина. М.: Добросвет, 2000. С. 251).

⁶ Baudrillard J. *Simulations*. New York: Semiotext(e), 1983. P. 44.

самой жизни устанавливается только благодаря разделению жизни и смерти... Для нас, живых, смерть является нашим воображаемым... Каждый член дизъюнкции исключает другой, и тот становится его воображаемым¹.

Ультрареализация, характеризующая гипермодерность, расширяет эту определяющую схему всеобщего взаимного различия. Все, что «стремится быть исключительным и несравненным» должно участвовать в «игре различия»². В конечном счете, «все становится реальным... видимым... прозрачным» и значимым³. «Остается всеобъемлющая форма реальности, где оперируем только мы»⁴.

В то же время, это всеобъемлющее, цельное, чрезмерное утверждение реальности достигает точки, в которой реальность начинает рушиться. По словам Бодрийяра, это повторяет *a pensee*⁵, которую он давно оставил: избыток реальности увеличивает «тенденцию к потере положения частью реальности»⁶. Согласно его принципу, реальность возможна, только если может быть определена через противопоставление воображаемого. Следовательно, «коэффициент реальности пропорционален запасу воображаемого, придающего ему удельный вес». «До сих пор» с утверждением реальности не возникло проблем. Из-за того, «что у нас всегда был запас воображаемого»⁷. Однако во всеобъемлющей реальности все уже «вовлечено в дифференциальную игру» различий⁸. Следовательно, «не остается больше неизведанных мест, доступных для работы воображаемого»⁹. «Воображаемое, которое мы успешно ассоциировали с дружественной тенью реальности, исчезает... “Всеобъемлющая реальность” не имеет воображаемого»¹⁰. Отсутствие воображаемого, совмещенное с принципом реальности, влечет за собой невозможность определения и установления реальности.

Эта неопределенная реальность не имеет никаких оснований существовать дальше, так как она больше не подлежит обмену ни на что и не противоположна ничему¹¹. «...Когда вся территория оказывается покрыта картой, то словно бы исчезает и принцип реальности»¹². «Всеобъемлющая реальность» влечет за собой смерть реальности¹³.

¹ Baudrillard J. Symbolic Exchange and Death. P. 133 (Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. С. 245–246).

² Baudrillard J. The Perfect Crime. London: Verso, 1996. P. 123.

³ Baudrillard J. The Intelligence of Evil or The Lucidity Pact. P. 17.

⁴ Ibid. P. 44.

⁵ Франц. — «мысль».

⁶ Baudrillard J. The Intelligence of Evil or The Lucidity Pact. P. 128. Удивительно, что упомянутые сообщения Бодрийяра так редко цитируются. Они дают необыкновенно ясное, концептуально точное объяснение краха реальности. Впервые он выразил их в сноске в «Символическом обмене и смерти» в 1976 году и повторил их почти дословно в тексте «Симулякры и симуляция» пять лет спустя.

⁷ Baudrillard J. Simulacra & Simulations. Ann Arbor, MI: The University of Michigan Press, 1994. P. 123. Baudrillard, J. Symbolic Exchange and Death. P. 86–89 (Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. С. 153).

⁸ Baudrillard J. The Perfect Crime. P. 123.

⁹ Baudrillard J. Simulacra & Simulations. P. 123. Baudrillard, J. Symbolic Exchange and Death. P. 86–89 (Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. С. 153).

¹⁰ Baudrillard J. The Intelligence of Evil or The Lucidity Pact. P. 18.

¹¹ Ibid. P. 26.

¹² Baudrillard J. Simulacra & Simulations. P. 123; Baudrillard, J. Symbolic Exchange and Death. P. 86–89. (Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. С. 153).

¹³ Baudrillard J. The Intelligence of Evil or The Lucidity Pact. P. 18.

Результатом, предупреждает Бодрийяр, является полное замешательство. «Принцип реальности полагается... на биполярные отношения, которые, пока они существуют, гарантируют стабильность... всего. Пока успешно»¹. Все же, как только исчезают противоположности, определяющие реалии, биполярные структуры, поддерживающие взаимные отличия в этой игре, распадаются. В результате:

Все, что находилось в фиксированных отношениях противостояния, потеряло свое значение, став неотличимым от противоположности². Дистанция исчезла всюду: между полами, между противоположными полюсами... между субъектом и объектом, между реальностью и ее копией... все стало неделимым и слитым воедино³.

Разрушение реальности выступает в качестве отличительного феномена гиперсовременности: они взаимообусловлены, но противоположно направлены порядком реальности. Процесс ультрареализации, расширение принципа реальности до всеобщего, в конечном счете, приведет к краху всех взаимных определений и различий, конституируемых реальностью. «Господство принципа неопределенности... является неминуемым следствием реальности, потерявшей реальность из-за избытка позитивности»⁴.

«Террористы находят вызывающим в нашей культуре, — пишет Бодрийяр, — избыток реальности»⁵. Терроризм также наполнен атмосферой чрезвычайных явлений. С одной стороны, террористы стремятся «вызвать воображаемый конец истории», катастрофическое, «ожесточенное преобразование реальности»⁶. С другой стороны, терроризм полностью обусловлен существующим порядком реальности. «Избыток транспарентности» в системе реальности «порождает террор»⁷. Как и распад реальности, терроризм, который будоражит порядок реальности, ускоряя ее распад, распространяется в кульминационный момент глобальной системы, которая привносит реальность в мир. «Терроризм — ... современный соратник» *«торжествующей глобализации, борющейся против себя»*⁸. «Система сама, — подчеркнул Бодрийяр после 9/11, — создала объективные условия для нанесения удара по себе»⁹.

Бодрийяр никогда не предлагал всеобъемлющее объяснение терроризма, ссылаясь на эти «объективные условия» (он и не старался создать его). Однако прочтение его *oeuvre* ясно иллюстрирует, как он помещает терроризм в пределы того же самого глобального состава чрезмерной реальности, которую он атакует¹⁰. Одним из главных фак-

¹ Baudrillard J. From Radical Incertitude, or Thought as Imposter // International Journal of Baudrillard Studies. 2005. Vol. 2(1) — http://www.ubishops.ca/baudrillardstudies/vol2_1/baudrillard.htm.

² Baudrillard J. The Perfect Crime. P. 67.

³ Baudrillard J. The Intelligence of Evil or The Lucidity Pact. P. 75–76.

⁴ Baudrillard J. Violence of the Virtual and Integral Reality // International Journal of Baudrillard Studies. 2003. Vol. 2(2) — http://www.ubishops.ca/baudrillardstudies/vol2_2/baudrillard.htm.

⁵ Baudrillard J. Violence of the Global, Ctheory.net — http://www.ctheory.net/articles.aspx?id=385#_edn1_edn1.

⁶ Baudrillard J. The Illusion of the End. Cambridge: Polity Press, 1994. P. 8.

⁷ Baudrillard J. The Intelligence of Evil or The Lucidity Pact. P. 193; Baudrillard, J. The Transparency of Evil. Essays on Radical Phenomena. P. 36 (Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. С. 18).

⁸ Baudrillard J. Violence of the Global, Ctheory.net — http://www.ctheory.net/articles.aspx?id=385#_edn1_edn1.

⁹ Baudrillard J. The Spirit of Terrorism. London: Verso, 2002. P. 9.

¹⁰ Следующие размышления проиллюстрируют свойственный Бодрийяру анализ. Они не могут исчерпывающе передать его письменные работы о терроризме и заложниках. Другие исследователи обсуждали эту тему более подробно (Gane M. Baudrillard. Critical and Fatal Theory. London: Routledge, 1991).

тов, порождающих терроризм, доказывает Бодрийяр, является универсальность глобального порядка в его кульминации. «Система распространения и насыщения, — отмечает он, — порождает панику и террор»¹. Когда земной шар охвачен одной-единственной вездесущей системой, все подлинное сопротивление должно принять крайние формы. Бодрийяр высказал эту идею в 1983 г., говоря об атаках на национальный суверенитет: «Если... обо всем уже фактически заботится Государство... тогда неизбежно, что Государство порождает форму сопротивления, одновременно радикальную и фантосмагоричную: фантом терроризма»². Ситуация в новом тысячелетии отличается своей глобальностью: «Какой путь, кроме террористического, можно было избрать для изменения положения вещей в ситуации монополизации мировой власти, в ситуации столь удивительного сосредоточения всех функций в руках технократической машинерии и при полном единомыслии?»³.

Из-за своей вездесущности глобальный порядок разжигает терроризм, хотя сам беззащитен против него. Во-первых, «чем больше система рассредоточивается в мире, действуя как единая сеть, тем более она становится уязвимой в каждой точке этой сети»⁴. Во-вторых, что более важно, если глобальный порядок постепенно движется к «своей безукоризненности», избавляясь от всех оппозиций и различий, «эта система, достигшая квази-совершенства, может вспыхнуть от одной искры»⁵. Успех в применении одинаковых принципов ко всему оставил систему восприимчивой к малейшим отклонениям и разрушениям. Вследствие универсальной чистки «мы все потенциально испытываем иммунодефицит»⁶. В частности, эта «система» поддерживает «идею “нулевой смерти”» и, таким образом, «работает на основе исключения смерти»⁷. Только смерть, желаемая и включаемая системой, является точной и биологической, таким образом, смерть, наступающая, когда выходит время — «систематичная и организованная смерть». Случайная смерть «недопустима для нашей системы свободы, закона и полезности», защищающей «программами предотвращения», «называемыми прерывание жизни до смерти несчастным случаем». Террористы, напротив, «разрушают» логику систематичной смерти⁸. То же они делают с глобальным порядком, избавленным и, следовательно, полностью беззащитным перед всеми формами внезапной смерти, они «превращают собственную смерть в абсолютное оружие»⁹. «Засилье глобального... — это результат системы, выслеживающей противостоящие и оригинальные формы, включая... смерть как завершающую форму своеобразия... Эта форма насилия реально является вирусной»¹⁰.

P. 129–130 и 132–135; Genosko, G. Baudrillard and Signs: signification ablaze. London: Routledge, 1994. P. 93–104; Hegarty P. Jean Baudrillard: Live Theory. London: Continuum, 2004. P. 91–95).

¹ Baudrillard J. Fatal Strategies. New York: Semiotext(e), 1990. P. 37.

² Ibid. P. 46–47.

³ Baudrillard J. The Spirit of Terrorism. P. 9.

⁴ Ibid. P. 8.

⁵ Ibid. P. 16.

⁶ Baudrillard J. The Transparency of Evil. Essays on Radical Phenomena. P. 62 (Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. С. 32).

⁷ Baudrillard J. The Spirit of Terrorism. P. 16.

⁸ Baudrillard J. Fatal Strategies. P. 37.

⁹ Baudrillard J. The Spirit of Terrorism. P. 16.

¹⁰ Baudrillard J. Violence of the Global, Ctheory.net — http://www.ctheory.net/articles.aspx?id=385#_edn1_edn1.

Вирус терроризма, продолжает Бодрийяр, не только присущ, но и характерен для глобальной системы. В единой системе «мы все заложники». Поскольку нас всех — универсально и анонимно — призвали к ответу. Это вполне объективно, поскольку наша «судьба» находится во власти невидимых «манипуляторов»¹, но и субъективно, поскольку наши обязанности «безумно преувеличены»². Мы — заложники «нашей собственной идентичности...: призванной для принятия, для ответа нашими жизнями... призванной быть собой, говорить, восхищаться, реализовывать себя». Мы — заложники другого:

...[Мы] подчинены эмоциональному шантажу... «Если вы не дадите мне это — вы будете ответственны за мою депрессию, если вы не любите меня — вы будете ответственны за мою смерть» и, конечно, «Если вы не позволите любить вас — вы будете ответственны за свою собственную смерть...» — вызов и требование ответа³.

Мы — заложники социального: «Если вы не принимаете участие, если вы не управляете своим капиталом, деньгами, здоровьем и желаниями, если вы не социальны — вы разрушаете себя»⁴. Жестокость терроризма, полагает Бодрийяр, является «только оператором» этой «неограниченной, неопределенной ответственности». Терроризм просто является радикальным выражением системы, в которой каждый должен отвечать анонимно. Согласно террористам, «каждый ответственен за все в данный момент»⁵: случайные пассажиры в общественном транспорте, случайные покупатели в супермаркетах, случайные посетители театра, случайный рыночные покупатели, случайные посетители в пабах, случайные учителя и школьники⁶, случайные дети и женщины на автостоянке, случайные мужчины и женщины в небоскребах и случайные пассажиры самолетов в небе. Терроризм — только радикальный убийца, выражающий тенденции, уже распространившиеся во всех сферах системы. В Лондонском метрополитене случайный бразилец, в свою очередь, был призван к ответственности системой — и получил семь пуль в голову.

9/11 показало террористическую радикализацию признаков глобального порядка в несколько ином свете. Террористы, подчеркивает Бодрийяр, не совершали нападения на систему посредством неизвестной технологической инфраструктуры, но обернули оружие самой системы против нее же: «Деньги и банковские спекуляции, информационные технологии и достижения авиации, зрелищный эффект и промежуточные сети; террористы ассимилируют все достижения современной глобализации, держа курс на разрушение»⁷. «Это бесконечно умножило их разрушительный потенциал». Мало того, что случайные смерти производят особенное впечатление в системе нулевой смерти; террористы вызывают эту катастрофическую смерть посредством тех же устройств, которые система разработала для того, чтобы защитить собственный идеал нулевой смертности. Оружие системы, разработанное для защиты от случайных смертей, вызывает смерти, неприемлемые для системы. «Эта совокупность факторов (с ко-

¹ Baudrillard J. Fatal Strategies. P. 35.

² Ibid. P. 39.

³ Ibid. P. 40.

⁴ Ibid. P. 42.

⁵ Ibid. P. 36.

⁶ Справ. Hegarty P. Jean Baudrillard: Live Theory. London: Continuum, 2004.

⁷ Baudrillard J. The Spirit of Terrorism. P. 19–20.

торыми мы не можем примириться) дает им огромное преимущество... Чудо в том, что им удается адаптироваться в мировой сети, выполнить техническое задание, не теряя связи с жизнью и смертью»¹.

Бодрийяр постоянно подчеркивает этот чрезмерный, гигантский, чудовищный масштаб терроризма. Терроризм растет в рамках глобальной системы, но умножение фактов, нерегулируемых системой, увеличивает вездесущую власть силы. Терроризм «более чем жесток»², он — «фанатичная форма жестокости». В этом терроризм противоречит структуре значений системы. Терроризм становится «гигантским специфическим следствием»³. Он больше не «реальное событие... но вспышка... противопоставляющая каждому событию форму чистого впечатления». Терроризм также «подрывает» принципы системы, поскольку «чувство, вызванное событием, не может быть только впечатляющим»⁴. Его безобразие уничтожает «ценность», «значение» и «реальность». Охваченная паникой «система реального в целом уплотняется, сжимается и выбрасывает все свои антитела»⁵, борясь изо всех сил, чтобы ответить терроризму «приданием значения»⁶. Все же вместо того, чтобы успешно интегрировать терроризм в существующую структуру значения, эта безумная реакция создает другую смертельную опасность для системы. Вместе с огромной пустотой, созданной терроризмом, усилия системы рационализировать и понять терроризм становятся чрезмерными. Система также начинает радикализировать свою логику и, в конечном счете, «погибает от собственной гиперэффективности»⁷. Ее структуры реальности и значения рушатся. Она «становится такой плотной, что противоречит собственному закону равновесия, и запутывается в своей гиперэффективности»⁸. Следуя системной логике власти, терроризм вызывает реакции частей системы, «предполагая, что реальность в избытке, и рассчитывает вызвать с помощью этого избытка крушение системы»⁹. Таким образом, Бодрийяр не сомневается, что терроризм составляет чрезвычайное явление, типичное для чрезмерного *status quo*. Терроризм вызывает разрушение глобального порядка реальности, но все же он — только «вспышка «жестокости, порожденной нашей гиперсовременностью»¹⁰. Терроризм — «неотъемлемая часть гиперлогичной последовательности нашей системы»¹¹.

Исследование чрезвычайных явлений Бодрийяра — работа теоретика. Его понимание краха реальности и терроризма как явлений, обусловленных чрезвычайными

¹ Ibid.

² Baudrillard J. *Fatal Strategies*. P. 34.

³ Ibid. P. 41–42.

⁴ Baudrillard J. *In the Shadow of the Silent Majorities or, The End of the Social and other Essays*. New York: Semiotext(e), 1983. P. 114–115 (Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Пер. с фр. Н. Сулова. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2000. С. 74).

⁵ Ibid. P. 120 (С. 76).

⁶ Ibid. P. 117–118 (С. 75).

⁷ Baudrillard J. *The Spirit of Terrorism*. P. 18.

⁸ Baudrillard J. *In the Shadow of the Silent Majorities or, The End of the Social and other Essays*. P. 120 (Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. С. 76).

⁹ Baudrillard J. *The Spirit of Terrorism*. P. 18; Baudrillard J. *In the Shadow of the Silent Majorities or, The End of the Social and other Essays*. P. 120 (Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. С. 76).

¹⁰ Baudrillard J. *The Transparency of Evil. Essays on Radical Phenomena*. P. 75 (Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. С. 61).

¹¹ Ibid. P. 39 (С. 25).

процессами в том же порядке реальности, на который они нападают, проливает свет на ориентацию его исследования гиперсовременности. «Близкая к крайностям изощренности и производительности, к безукоризненности и тотализации... система достигает своего предела и взрывает все»¹. К тому же, теоретическая интерпретация чрезвычайных явлений как неотъемлемой части реальной системы — кажется, свободная от всех предположений, не относящихся к реальности, — ничего не рассказала об авторе как о метафизике. В материале, который мы разобрали на данный момент, он нигде не проявил себя.

II

Исследования чрезвычайных явлений Бодрийера развиваются и в другом направлении, которое *на первый взгляд* отклоняется от аналитического пути. В нескольких пунктах своей работы Бодрийер поддерживает гипотезы о трансцендентальных условиях, фундаментальных и неотъемлемых принципах, в согласии с которыми существует мир. Реальность, виновная в «радикальном упрощении космоса»², противоречит этим правилам. В результате мир берет реванш. С этой точки зрения, чрезвычайные явления есть реакция мира, соответствующая его сущности и направленная против реальности.

Крах реальности связан с важнейшей мировой иллюзией. Бодрийер неоднократно повторял, что мир по своей сути иллюзорен в противоположность реальности. Это составляет «радикальную... идею основополагающей иллюзорности, нереальности «объективного мира»»³. Принцип реальности упростил космос, которым управляют совершенно другие законы. Иллюзия является «общим правилом универсума», где «реальность — лишь исключение»⁴, в этом отношении мир бросает реальности вызов.

«Кое-что решительно сопротивляется нам, нечто другое, нежели... реальность... Нечто предшествующее так называемому «реальному» миру, нечто неопределимое, связанное с основной иллюзией...»⁵. Все-таки оригинальность мира фундаментальна, и она сопротивляется объективной реальности.

Таким образом, крах реальности можно посчитать актом мести мира, его «жизненно важной реакцией» против его упрощения посредством реальности.

В этом же ключе Бодрийер часто связывает терроризм с мировым, по существу, злым порядком. «Зло, — утверждал Бодрийер, — есть мир как таковой»⁶. «Принцип Зла... неотделим, он не может быть уничтожен»⁷. Добро и зло — «противоборствующие силы, связанные друг с другом в трансцендентности»⁸. «Взаимосвязь Добра и Зла выходит за пределы нашего понимания, но мы должны полностью принять ее» как «основополагающее правило»⁹. В этом отношении важно, что Бодрийер связывает миро-

¹ Baudrillard J. The Vital Illusion. P. 78.

² Ibid. P. 73.

³ Baudrillard J. The Intelligence of Evil or The Lucidity Pact. P. 40; Baudrillard, J. The Perfect Crime. P. 6, 61.

⁴ Baudrillard J. The Vital Illusion. P. 72.

⁵ Baudrillard J. The Intelligence of Evil or The Lucidity Pact. P. 36.

⁶ Ibid. P. 144.

⁷ Baudrillard J. Forget Foucault. New York: Semiotext(e), 1987. P. 98 (Бодрийер Ж. Забыть Фуко. Пер. с фр. Д. Калугина. СПб.: Владимир Даль, 2000).

⁸ Baudrillard J. The Intelligence of Evil or The Lucidity Pact. P. 146.

⁹ Baudrillard J. The Transparency of Evil. Essays on Radical Phenomena. P. 100 (Бодрийер Ж. Прозрачность зла. С. 83); Baudrillard J. The Intelligence of Evil or The Lucidity Pact. P. 144.

вую неистощимую «энергию зла» с ее непреступной «конфиденциальностью»¹. Эта связь важна потому, что она предвещает понимание того, что мир сопротивляется реальности, не только сохраняя свою оригинальную иллюзорность, но и используя свою энергию зла. «Зло — это первоначальная сила»², и «всегда приходит время, когда фундаментальные принципы проявляются снова... когда наступает сильная абреакция»³. Терроризм пришел к тем же выводам, что и абреакция. В согласии с внутренне присутствующим злом терроризм мстит за упрощение мира в реальности. «Терроризм во всех своих формах есть трансполитическое зеркало зла»⁴, «проявление зла... демонстрация зла через такое неотделимое измерение». Через терроризм «принцип зла ломает Всеобъемлющую реальность»⁵.

Восприятие Бодрийяром чрезвычайных явлений как нападений на реальность, обусловленных трансцендентальными законами реальности, важно для понимания его как «метафизика». В то же время, эти подходы могут стать причиной серьезного недоразумения. Согласно Келлнеру, в конечном счете, Бодрийяр «опирался на метафизику», чтобы найти «трансцендентальное убежище для тех, кто не удовлетворен существующей реальностью»⁶. «Несмотря на критику метафизики в последние два десятилетия, — писал Келлнер в 1989 г., — Бодрийяр сохраняет в этом отношении старомодный и неприятный образ мысли»⁷. Реально, прочитанные буквально и изолированно трансцендентальные гипотезы Бодрийяра можно принять за признаки того, что тревога за реальность заставила его принять метафизический принцип надежды на «запредельность» (*Hinterwelt*), присущую существующему порядку, и на то, что Бог нападает на систему реальности в форме беспорядков и терроризма⁸. Такое прочтение может привести к упрощению. Смит устанавливает сходство между сложным пирроническим скептицизмом Бодрийяра и манихейской метафизикой. «Развитие веры через тайну, говорил Бодрийяр, — ликвидирует... догматическое знание» и исключает решение «добывать... секретный гнозис». Под этим, предполагает Смит, Бодрийяр понимает основы манихейства. «Пирронизм предполагает вечные противоречия». «Добро и Зло — вечные враги», и от «первоначального искушения» мира злыми демонами отталкивается «первый принцип» Бодрийяра — происхождение «творения как иллюзии». Основываясь на этих неотъемлемых принципах мира, Бодрийяр, доказывает Смит, предлагает «метафизику терроризма... способную объяснить события, подобные 9/11». С одной стороны, Бодрийяр, возможно, «проанализировал событие через манихейскую веру, где добро и

¹ Baudrillard J. Passwords. London: Verso, 2003. P. 33 (Бодрийяр Ж. Пароли. От фрагменту к фрагменту. Пер. с франц. Н. Сулова. Екатеринбург: У-Фактория, 2006. С. 42).

² Baudrillard J. The Intelligence of Evil or The Lucidity Pact. P. 139.

³ Baudrillard J. Violence of the Global, Ctheory.net — http://www.ctheory.net/articles.aspx?id=385#_edn1_edn1.

⁴ Baudrillard J. The Transparency of Evil. Essays on Radical Phenomena. P. 81 (Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. С. 70).

⁵ Baudrillard J. The Intelligence of Evil or The Lucidity Pact. P. 185–186.

⁶ Kellner D. Jean Baudrillard. From Marxism to Postmodernism and beyond. Cambridge: Polity Press, 1989. P. 153.

⁷ Ibid. P. 232.

⁸ Сомнительно, что Келлнер, интерпретируя Бодрийяра, использует стратегию, обнаруженную однажды в «замирности» у Ницше: «кто-то принял все, что он сказал, буквально, и поэтому сделал его создателем худшей из вещей», «кто-то не понял того, что другой играл с языком, как Ницше», — так он когда-то ясно выразил это: «Все размышления — это менталитет, и очень сложно понять чужой менталитет».

зло смешались». С другой стороны, мировое сопротивление реальности основано на фундаментальной иллюзии: «демон обольстил здравый смысл и реальность», разрушив всякую надежду на «правду о реальности. Вместо этого мы испытываем иллюзию или игру реальности».

Буквальная интерпретация того, что Бодрийяр относит чрезвычайные явления к законам, выходящим за рамки реальности, приводит к бегству в метафизику или пирронизм. Но она терпит неудачу в двух решающих аспектах. Во-первых, такое прочтение мало что говорит о теоретике. Если бы Бодрийяр реально относил крах реальности или терроризм к трансцендентальным принципам, лежащим вне реальности, то его анализ этих феноменов как чрезмерных в пределах порядка реальности в контексте имманентного анализа гиперсовременности был бы чем-то большим, чем смутное упоминание и отражение. Во-вторых, такая интерпретация может быть принята, только если Бодрийяр оправдывает «возможно», выражающее его неуверенность в том, является ли метафизика подходящим описанием его интеллектуальных усилий. Бодрийяр неоднократно отрицает, что он реально признает трансцендентальные принципы подходящими для объяснения чрезвычайных явлений. «В области витального, — настаивает он, — вопрос о трансцендентном снят»¹. Его критические замечания по теории желания, описанной Делезом и Гваттари², и, возможно, применимые к более ранней работе Лиотара³, соответственно, являются скептическими. «Что беспокоит меня... — это идея энергии источника всех этих потоков... Вещи создают события абсолютно самостоятельно, без всякого посредничества»⁴.

III

Тем не менее, проект теоретика и сдержанного метафизика может быть понят только при учете намеков Бодрийяра на трансцендентальные условия, дающие начало чрезвычайным явлениям. Однако эти намеки должны рассматриваться в рамках восприятия чрезвычайных явлений как нападений, все же обусловленных — короче говоря, имманентных — порядком реальности как таковым. «Возможно» Бодрийяра является определяющим: его работа метафизична настолько, насколько игра на метафизике и с ней увеличивает соприкосновение теоретика с гиперсовременностью.

Комментируя попытку теоретизировать *status-quo*, Бодрийяр иногда заявляет, что крах реальности предполагает реальный мир настолько ненадежным, что становится «заманчивым» размышлять о мире как об «объективной иллюзии»⁵. Заявление, что реальность «не имеет больше настоящей ценности», предполагает, что мир теперь — «полная иллюзия»⁶. Все же не очевидно, что восприятие гиперсовременных условий приводит к вызову фундаментальной *трансцендентальной* иллюзии, иллюзии, которая всегда управляла миром и обязательно возвратится в форме радикальных разрушений существующего порядка.

¹ Baudrillard J. Fragments. Conversations with François L'Yvonnet. P. 77.

² Deleuze G. and Guattari F. *Anti-Oedipus. Capitalism and Schizophrenia*. London: Continuum, 1984 (Делез Ж. Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения. Анти-Эдип. Пер. с фр. Д. Кралечкина. Екатеринбург: У-Фактория, 2007); Baudrillard J. Fragments. Conversations with François L'Yvonnet.

³ Lyotard J.F. *Libidinal Economy*. London: Athlone, 1993.

⁴ Baudrillard J. Forget Foucault. P. 74 (Бодрийяр Ж. Забыть Фуко. С. 60).

⁵ Baudrillard J. *The Perfect Crime*. P. 51, 97.

⁶ Baudrillard J. *The Vital Illusion*. P. 73.

Анализируя чрезвычайные явления как имманентные системе реальности события, Бодрийяр подчеркивает, что ключевая проблема системы — не просто крах реальности. Она осложнена тем, что «реальность вызывает *собственное* отрицание, подготавливая *собственный крах*»¹. Реальность разрушается в условиях своей собственной вездесущности, из-за чрезмерных процессов, происходящих в ней. Эта тенденция к саморазрушению реальности создает чувство неизбежности ее краха. Как выразился Бодрийяр, возникает «суггестия обреченности»; он уточнил: «результат является фатальным, когда тот же самый знак осуществляет контроль и за появлением, и за упадком чего-либо... когда логика, расширяющая систему, продолжает опустошать ее»². «Фатальный» не только в смысле нависающей смерти, но в смысле неизбежности смерти, предреченной судьбой. Реальность не просто терпит крах. Ее крах настолько неизбежен, что каждый шаг к созданию реальности сопровождается ее разрушением. Другими словами, глубочайшая проблема реального порядка состоит в том, что его собственная сложность неизбежно приводит к разрушению — *как будто* этот порядок нарушил трансцендентальные принципы. И это фатальное качество распада реальности как неизбежной дилеммы, внутренне присущей системе реальности, упоминаемое Бодрийяром в связи с фундаментальной противоречивостью мира реальности — противоречащей его принципам, сопротивляющейся его имманентным правилам, — помогает теоретику размышлять:

Мысль... подчеркивает эту чувствительность к решающим условиям, которые, кажется... характеризуют существующее направление мира... Это все еще немного метафизично. Мысль может обозначать физические вирусные условия мира, но остается метафизической в том смысле, что она относит эти условия на второй план; она расширяет «объективные условия», только называемые объективными³.

Взгляд в будущее, таким образом, требует некоторой заинтересованности в метафизическом и трансцендентальном⁴.

Даже если «наша вселенная обречена», теоретик настаивает на том, что обреченность «не трансцендентальна, но имманентна всем нашим процессам в их переплетении, увеличении и преумножении, имманентна нашей повседневности»⁵. Она, бесспорно, внутренне необходима⁶. Присутствует чувство неизбежности краха реальности и терроризма, объясняющее, почему трансцендентность дает им адекватный ответ. Но чрезвычайные явления неминуемы из-за чрезмерных событий реальности, а не из-за внутренних законов мира, что объясняет, почему исследование заинтересовано в процессах гиперсовременности. Хотя «...эффект спирали, или дублирования, который я отношу к современности, — утверждает Бодрийяр, — в конце концов, отдает метафизикой... метафизический вопрос возник из-за дублирования современности... а не отчего-то еще»⁷. «Фатальный порядок» системы реальности в момент ее краха остается «объективным порядком», хотя и отличается «высокой потребностью» и поэтому тре-

¹ Baudrillard J. The Perfect Crime. P. 105.

² Baudrillard J. The Transparency of Evil. Essays on Radical Phenomena. P. 40 (Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. С. 34).

³ Baudrillard J. Fragments. Conversations with François L'Yvonnet. P. 74–75.

⁴ Baudrillard J. Baudrillard Live: Selected Interviews. P. 133.

⁵ Baudrillard J. The Ecstasy of Communication. New York: Semiotext(e), 1988. P. 83.

⁶ Baudrillard J. Forget Foucault. P. 127.

⁷ Baudrillard J. Baudrillard Live: Selected Interviews. P. 53.

бует «метафизической системы»¹. Обращение Бодрийяра к трансцендентальности для освещения чрезвычайных явлений стало неотъемлемой частью его анализа чрезвычайных явлений как нападений — все-таки непредвиденных и в этом отношении абсолютно имманентных обстоятельств — на систему реальности как таковую. Таким образом, Бодрийяр сочетает, чувствуя в этом необходимость, мысли теоретика с идеями сомневающегося метафизика: философ прибегает к метафизической спекуляции, поскольку она помогает теоретику разрешать неизбежные внутренние затруднения гиперсовременности.

Бодрийяр, пишет Гейн², «продвигает анализ на уровень дальше во всех направлениях... Он оправдывает это тем, что таким образом текущие мировые тенденции могут быть теоретизированы...». Гейн упоминает отрывки статей и языковые игры Бодрийяра как примеры попыток осмыслить текущие «катастрофические» тенденции³. Такое прочтение совместимо с ясной перспективой использования научных понятий Бодрийяром в интерпретации Геноско⁴. Выдвигая на первый план метафизический аспект работы Бодрийяра (определенный здесь как наиболее метафизический), Геноско утверждает, что такое понятие, как «гипертелия» или «метастаз» помогают Бодрийяру лучше осознать чрезмерное, иступленное стремление системы воспроизводить себя. Обращение Бодрийяра к имманентным, управляющим миром принципам совместимо с обеими интерпретациями.

Все же чему конкретно способствуют трансцендентальные гипотезы в теоретическом анализе *status quo*? Их определяющее значение не может состоять в том, что они подтверждены правдой о порядке реальности, упускаемой другими формулировками, и поэтому снабжают теоретика более ясными представлениями о явлениях гиперсовременности. Бодрийяр настаивает, что в системе, где реальность разрушена, «в системе, где правда... неуловима», нечего доказывать⁵. Следовательно, теория не может быть исчерпана сбором правды о реальности *status quo* (или *status quo* реальности), но всегда включает «нахождение... чего-то иного, чем репрезентативная система... того, что не может быть реально проверено»⁶. Реально, обращение Бодрийяра к трансцендентному как устройству для схватывания фатальной реальности работает и в дальнейших — возможно, решающих — аспектах теоретических исследований внутренних затруднений гиперсовременности.

Не секрет, что размышления Бодрийяра настроены непреклонно по отношению к реальности. Уже в 1970-х он предложил «достичь реальное и привести его к смерти»⁷. Несколько десятилетий спустя он утверждает, что анализ «должен быть... направлен

¹ Baudrillard J. Forget Foucault. P. 85.

² Gane, M. Jean Baudrillard. In radical uncertainty. London: Pluto Press, 2000. P. 26–27.

³ Кинг (Gane, M. Jean Baudrillard. Volume 1. London: SAGE, 2000) совершает попытки спасти написанное Бодрийяром как «литературу». «Литература» Бодрийяра лежит не в области социологии, но должна быть оценена вопреки стандартам «творческой прозы». Конечно, различие между социологическими публикациями и видом теоретических текстов Бодрийяра не так явно, как предполагает Кинг. Фактически, различие между социологическими текстами и «литературой» не может постулироваться априорно (Green, B. Literary Methods and Sociological Theory. Case Studies of Simmel and Weber. Chicago: Chicago of University Press, 1988).

⁴ Genosko G. Baudrillard and Signs: signification ablaze. London: Routledge, 1994. P. 108–116.

⁵ Baudrillard J. The Spirit of Terrorism. P. 24.

⁶ Baudrillard J. Baudrillard Live: Selected Interviews. P. 84.

⁷ Baudrillard J. Symbolic Exchange and Death. P. 3 (Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. С. 10).

против реальности»¹. Но традиционные рациональные стратегии, даже критическая теория, утрачивает свой разрушительный импульс. «Пока мы имеем дело с объективной реальностью, — говорит Бодрийяр, — “критическая мысль” — обнаруживающая идеологии, противоречащие реальности, и осуждающая условия, производящие такой раскол и социальные страдания² — «находится в сфере вероятности». Однако теперь «мы имеем дело со всеобъемлющей реальностью, чрезмерной реальностью, сверхреальностью, концом реальности, исчезающей в виртуальности»³, теперь, когда реальность разрушена, нет больше «никакой негативной энергии, возникающей из-за нарушения равновесия между идеальным и реальным»⁴. Перед лицом краха реальности упрек, что мысль искажает реальность, что социальная реальность страдает от скрытой идеологии, бессодержателен, как и пространство, которое покинула реальность. «Эта парадоксальная форма достигнутого универсума, — убежден Бодрийяр, — привносит отличный от критического способ размышления... размышление о чрезвычайных явлениях»⁵. «Мысль вынуждена становится все более и более радикальной»⁶.

Фраза «размышление о чрезвычайных явлениях» описывает концепцию радикальной мысли Бодрийяра. Последняя не только *о* или *как*, но *одна из* них. Теперь самые разрушительные атаки на реальность исходят из ее собственного радикализованного порядка. Крах реальности и терроризм — одни из самых значительных нападений. Поскольку сами вещи перенимают «отрицание реального» из философии⁷, реальность как никогда представляется нежизнеспособным понятием, наложенным на мир. Она быстро теряет власть. Это вынуждает Бодрийяра полагать, что размышления, направленные против реальности, также стратегически ориентируются на «принятие» и даже «усиление логики» этих «смертельных процессов»⁸. Идеи также должны стать «катастрофичными» и «провокационными»⁹, чтобы быть готовыми «к совершенному крушению» реальности¹⁰.

Теория... должна быть самостоятельным явлением во вселенной, которую она описывает¹¹. Чтобы размышлять о чрезвычайных явлениях, мысль должна сама стать чрезвычайным явлением¹²: мыслитель стать террористом¹.

¹ Baudrillard J. The Illusion of the End. P. 64.

² Адорно вкратце упоминает формулировки этой критической теоретической задачи: «критика идеологии... отказывается от иллюзорной объективности, фетишизма понятий» (Adorno T.W. Negative Dialektik. Jargon der Eigentlichkeit. Gesammelte Schriften. Band 6. 5. Auflage. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1996. P. 198 (Адорно Т.В. Негативная диалектика. Пер. с нем. Е.Л. Петренко М.: Научный мир, 2003. С. 180)). Все же критический анализ не только стремится показывать ненадежность понятий, но также «опыт доминирующей вслепую тотальности», и таким образом «управлять желанием так, что оно, в конце концов, изменяется» (Adorno T.W. Soziologische Schriften I. Gesammelte Schriften. Band 8. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2003. P. 294–295).

³ Baudrillard J. Fragments. Conversations with François L’Yvonnet. London: Routledge. P. 75.

⁴ Baudrillard J. The Perfect Crime. P. 64. Baudrillard, J. The Ecstasy of Communication. P. 97–98.

⁵ Baudrillard J. The Perfect Crime. P. 65.

⁶ Baudrillard J. Fragments. Conversations with François L’Yvonnet. P. 75.

⁷ Baudrillard J. The Transparency of Evil. Essays on Radical Phenomena. P. 43 (Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. С. 35).

⁸ Baudrillard J. The Vital Illusion. P. 83.

⁹ Baudrillard, J. Passwords. P. 92 (Бодрийяр Ж. Пароли. От фрагменту к фрагменту. С. 110).

¹⁰ Baudrillard, J. Simulacra & Simulations. P. 104.

¹¹ Baudrillard, J. The Ecstasy of Communication. P. 99.

¹² Baudrillard, J. The Perfect Crime. P. 66.

Обращение к трансцендентальным принципам мира в рамках анализа присущей реальности катастрофичности помогает мысли бросить вызов этому миру. Бодрийяр обращается к ним, прежде всего, потому, что упоминание трансцендентального, как было сказано, усиливает акцент теоретика на неизбежности и фатальности краха реальности. «Подчеркивая ложную прозрачность мира» таким образом, мысль становится «генератором эротического восприятия беспорядка реальности»², разъедающего власть реальности. Менее очевидна, но, возможно, более важна *форма* мысли, что трансцендентальные аллюзии играют с усилением рационального вызова, брошенного теорией гиперсовременности реальности. Принятие власти реальности и мировой системы, приводящей ее в жизнь, влечет за собой приверженность особому образу мысли: «Определенная форма мысли, — пишет Бодрийяр³, — связана с реальностью. Она отталкивается от гипотезы, что у идей есть референты и что, возможно, существует воображение реальности». Идеи, включающие принципы трансцендентальной реальности, наоборот, отвержены. «Мысль будет успешно заменена... цереброспинальным пузырьком, свободным от всяких... метафизических оттенков»⁴. Однако чем больше реальности лишается своей власти, тем больше «размышлений... освобождается от объективной ответственности»⁵. С тех пор как «правда в системе... неуловима, нечего доказывать»⁶, мысль может «отказаться от правды и возможности проверки»⁷. Размышление приобретает «право подвести публикации и гипотезы к черте, где они больше не имеют значения»⁸. Теория получает право использовать *sinnleere Hypothesen* — гипотезы, лишённые значения, — которые, кстати, необыкновенно точно описал однажды Венский позитивизм с тем, чтобы запретить их⁹.

Выделим самое важное и решающее здесь: если теория внутренних трудностей гиперсовременности начинает потакать мысли; если размышление не заинтересовано ни в чем, кроме того, что порядок реальности подрывает себя, начинает играть с формами, не повинаясь диктату реальности, тогда мысль выдвигает на первый план вероятность использования трансцендентальных гипотез и даже захватывает с помощью трансцендентальных гипотез, запрещенных реальностью, реальность как таковую. Власть реальности подорвана¹⁰. «В отличие от разговоров о реальном, — настаивает,

¹ Baudrillard, J. Baudrillard Live: Selected Interviews. P. 169.

² Baudrillard, J. The Perfect Crime. P. 104–105.

³ Ibid. С. 96.

⁴ Baudrillard, J. The Ecstasy of Communication. P. 38–39.

⁵ Baudrillard, J. Fragments. Conversations with François L'Yvonnet. P. 76.

⁶ Baudrillard, J. The Spirit of Terrorism. P. 24.

⁷ Baudrillard, J. The Vital Illusion. P. 69.

⁸ Baudrillard, J. Baudrillard Live: Selected Interviews. P. 43.

⁹ Schlick M. Gesammelte Aufsätze 1926 – 1936. Wien: Gerold & Co, 1938. P. 86–92; Carnap R. Die physikalische Sprache als Universalsprache der Wissenschaft // Erkenntnis. 1931. 2. P. 452; Carnap R. Scheinprobleme der Philosophie. Das Fremdpsychische und der Realismusstreit. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1966. P. 47–53.

¹⁰ Култер (Coulter G. Reversibility: Baudrillard's «One Great Thought» // International Journal of Baudrillard Studies. 2008. Vol. 1(2) — http://www.ubishops.ca/BaudrillardStudies/vol1_2/coulter.htm) находит оправдание в утверждении, то «Безупречное преступление», написанное Бодрийяром в середине 1990-х, «продолжает проект стратегии формирования, длящийся три десятилетия... используя теорию в качестве вызова реальности». Однако другое дело утверждать, что «оставив значение и плененная собой... фатальная теория, в конечном счете, обратилась ко множеству литературных и вымышленных стратегий... исчезая в собственной пустоте» (DeBoer J. The Fatal «Theory Fiction» of Jean

таким образом, Бодрийяр, — радикальная мысль... стремится к статусу иллюзии»¹. Радикальная мысль намеревается «продвигать тайную торговлю идеями, недопустимыми идеями, недоступными идеями, как была развернута торговля ликером в 1930-е»². «Только превышающее реальность может быть вне... реальности»³, может «похитить архив реальности и стереть все ее заключения»⁴. Ссылка на трансцендентальные правила в рамках анализа катастроф, имманентных порядку реальности, является одним из путей, на котором теория чрезвычайных явлений Бодрийяра стремится к такому интеллектуальному избытку. Такой образ мысли «не устанавливает... превосходства идеального», но «материальную иллюзию, внутренне присущую так называемому “реальному” миру»⁵. Но поскольку растущий «реальный мир» больше не может скрывать, что он только так называется, мысль о нем непременно становится «показательной, видоизменяющейся, усиливающейся»⁶. Не только теоретик, заинтересованный в порядке реальности как таковом и наблюдении за ускоряющимся саморазрушением реальности, поддерживает сомнения в возможности проникновения через реальность в точку, где феномены, неизбежные для имманентных реальности процессов — терроризма, краха реальности — находятся в рамках трансцендентности. Напротив. Анализируя признаки краха реальности, подразумевающие относительно простую метафизику, пересекая быстро исчезающие линии, очерченные реальностью перед всякой мыслью, стремящиеся выйти за ее пределы и достичь трансцендентного, «вырывая вещи из контекста и принуждая к сверхсуществованию... несовместимому с реальным»⁷, теория позволяет думать о реальности запрещенным ею образом и — на основании своей формы — разрешить дальнейшее непрочное существование реальности, подчеркнуть потерю власти реальностью и, таким образом, в дальнейшем бросить вызов и разочароваться в реальности. «Только надежда, — утверждает Бодрийяр, — относится к такому преступному и негуманному виду размышления»⁸.

В этом смысле упоминания Бодрийяра о трансцендентальных правилах с целью освещения чрезвычайных феноменов полностью вливаются в его анализ системы реальности, которую разрушают чрезвычайные явления, возникшие в результате ее собственного избытка. Бодрийяр, теоретик гиперсовременности, обращается к метафизике во время краха реальности — он использует метафизику, так как она допускает теорию,

Baudrillard' // International Journal of Baudrillard Studies. 2005. Vol. 2(1) — http://www.ubishops.ca/BaudrillardStudies/vol2_1/deboer.htm). Бодрийяр несомненно рискует за пределами «освещенных» радикальных явлений (Smith J. The Gnostic Baudrillard: A Philosophy of Terrorism Seeking Pure Appearance // International Journal of Baudrillard Studies. 2004. Vol. 1(2) — http://www.ubishops.ca/baudrillardstudies/vol1_2/smith.htm). Но суждение Дебора раскрывают, что работы Бодрийяра – его текстуальные стратегии (независимо от авторского желания) — взяли кое-что у порядка, на который напали в момент кульминации и краха. Решающим для Бодрийяра является захват порядка реальности одновременно с попыткой ускорить ее распад.

¹ Baudrillard J. The Perfect Crime. P. 97–98.

² Ibid. P. 104–105.

³ Ibid. P. 19.

⁴ Ibid. P. 105.

⁵ Ibid. P. 96.

⁶ Baudrillard J. From Radical Incertitude, or Thought as Imposter // International Journal of Baudrillard Studies. 2005. Vol. 2(1) — http://www.ubishops.ca/baudrillardstudies/vol2_1/baudrillard.htm.

⁷ Baudrillard J. The Ecstasy of Communication. P. 98.

⁸ Baudrillard J. From Radical Incertitude, or Thought as Imposter // International Journal of Baudrillard Studies. 2003. Vol. 2(1).

вынужденную скрываться, как критика, пойманная в ловушку и предавшая гиперсовременность. Ницшеанский «ушедший в глубь леса человек» и метафизик Бодрийера представляют собой обособленные миры. Последний является теоретиком. Он напоминает другой образ Ницше: мудреца, рисующего метафизический кинжал.

IV

Бодрийер иногда называет чрезвычайные явления «благоприятными». Его французский термин — *heureux* — обычно переводится «счастливый» (например, *heureux en ménage* — счастлив в браке). Значение *heureux* совпадает с немецким *glücklich*, переводимым как «удачный» и «счастливый»¹. Бодрийер оценивает чрезвычайные явления в отношении «волнения», «острых ощущений», «надежды», «защиты» и «экранирования». Его утверждение, что эти катастрофические события были «благоприятными», можно понять как то, что они «выгодны» и «долгожданны».

Стоя на руинах научной реальности, Бодрийер заявляет:

К счастью, мы живем, основываясь на жизненной иллюзии, отсутствии, нереальном, косвенности вещей. К счастью, ничто не является мгновенным, одновременным и синхронным. К счастью, ничто не существует в текущий момент и не идентично само себе. К счастью, реальность не существует².

«Принцип реальности... разрушен», — повторяет он Сильверу Лотрингеру. «Но разве вы не думаете, что открывается более захватывающий мир? Не более обнадеживающий, но, конечно, более волнующий»³.

Так же оценивается характерность для «реальной жизни» таких бедствий, как терроризм: «К счастью. Мы можем надеяться, что случайный мир разобьет извне этот стеклянный гроб. Любой несчастный случай, любое событие, потрясшее систему реальности, если спасет нас от научной эйфории, поддерживаемой капельным вливанием»⁴. «Мы можем надеяться, что виртуальное программирование никогда не упразднит события»⁵ — такие, как 9/11, так как «только событие заслуживает названия»⁶.

Сексуальное раскрепощение, вездесущая порнография, информация, соучастие, свободное выражение... были бы невыносимы... К счастью, судьба вещей спасет нас, поскольку в своей кульминации... они всегда самоуничтожаются и таким образом опять погружаются в тайну⁷. Вероятность... полной идентификации... нулевая. К счастью⁸. Что касается терроризма, не защищает ли нас его реактивное насилие от эпидемии соглашательства, от постоянно увеличивающейся политической лейкемии и вырождения и от незаметной транспарентности Государства?⁹

¹ По общему признанию, английское слово «fortunate» скорее ассоциируется с «благоприятным» в смысле «произвольный» или «случайный» и, следовательно, может заглушить дополнительное значение «выгодное» и «долгожданное» в оригинальных формулировках Бодрийера.

² Baudrillard J. The Perfect Crime. P. 7.

³ Baudrillard J. Forget Foucault. P. 70–71.

⁴ Baudrillard J. The Illusion of the End. P. 88. Ср.: Baudrillard, J. «From Radical Incertitude, or Thought as Imposter» // International Journal of Baudrillard Studies. 2008. Vol. 2(1).

⁵ Baudrillard J. The Intelligence of Evil or The Lucidity Pact. P. 137.

⁶ Ibid. P. 117.

⁷ Baudrillard J. The Ecstasy of Communication. P. 34–35.

⁸ Baudrillard J. The Vital Illusion. P. 71.

⁹ Baudrillard J. The Transparency of Evil. Essays on Radical Phenomena P. 67 (Бодрийер Ж. Прозрачность зла. С. 41); Ср.: Baudrillard J. Fatal Strategies. P. 46.

Приведенные здесь цитаты редко детально рассматриваются в исследовательской литературе по Бодрийяру, хотя они являются принципиально важным компонентом теоретических, метафизически вдохновленных нападений на гиперсовременность. Одновременно, эти формулировки могут создать неразбериху, особенно, если взяты буквально и непосредственно — без рассмотрения стратегической игры Бодрийяра на метафизике — из его анализа чрезвычайных явлений как имманентных системе реальности. При таком прочтении оценка чрезвычайных явлений Бодрийяра зависит от двух простых сравнений. Во-первых, чрезвычайные явления приветствуются, потому что они открыты к условиям, более захватывающим, чем условия, существовавшие до их возникновения. Во-вторых, чрезвычайные явления выгодны, потому что они позволяют создать условия, более приемлемые, чем существующая реальность. В теории гиперсовременной реальности Бодрийяра эти сравнения не упоминаются.

Согласно Бодрийяру, ситуацией, предшествующей краху реальности, управлял проект *реализации*, достигший своей кульминации — распространения принципа реальности на все. Эта ситуация пострадала от «сильного и непреодолимого принуждения... стать ближе к безоговорочной реализации реального»¹. В то же время этот проект был «гарантией, что все на пользу». «Когда все становится видимым... вещи, которые были в тайне... становятся пагубными: то, что было... тайной... становится злом и должно быть упразднено, истреблено»². Соглашение по предоставлению миру реального и доброго исчезает вместе со всей реальностью: «абсолютная правда, лишенная лжи» и «абсолютное добро, лишенное зла»³.

В этой точке разрушается реальность и распространяется терроризм. Обстоятельства меняются. Крах реальности и терроризм открыты условиям, в которых реализация больше *не ведет* к успеху, но завершена, так как ее продукт — реальность — разрушен. «Реализация мира представляет собой развенчанную утопию». Так как в проекте реализации распространялось собственное отрицание — реальность, разрушающаяся в своей кульминации, — становится ясно, что сохранение реальности невозможно, что это «заранее нежизнеспособная утопия»⁴. «Цельность... колеблется более или менее долго»⁵. Смятение и вирусная террористическая инфекция неизбежны, они являются результатом фатальности.

Все же эти две ситуации содержат один общий аспект. Действуя перед крахом реальности, процесс реализации продолжает действовать и после него. Реальность рушится, но это не влечет за собой остановку проекта реализации. Бодрийяр нигде не делает поспешных выводов о завершении проекта из-за неудачи. Реализация по своей сути продуктивна. Это «*производство* в прямом смысле слова», которое не «изготавливает, но делает видимым или явным»⁶. Иногда Бодрийяр говорит об экономии значения⁷. Миссия

¹ Baudrillard J. The Vital Illusion. P. 65. Cp.: Baudrillard, J. Violence of the Virtual and Integral Reality // International Journal of Baudrillard Studies. 2008. Vol. 2(2) — http://www.ubishops.ca/baudrillardstudies/vol2_2/baudrillard.htm

² Baudrillard J. Passwords (Бодрийяр Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту).

³ Baudrillard, J. The Intelligence of Evil or The Lucidity Pact. P. 34.

⁴ Baudrillard J. Baudrillard Live: Selected Interviews. P. 184.

⁵ Baudrillard J. The Intelligence of Evil or The Lucidity Pact. P. 185.

⁶ Baudrillard J. Seduction. New York: St. Martin's Press, 1990. P. 34.

⁷ Baudrillard J. Simulacra & Simulations. P. 80 (Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. С. 162).

производства в аспекте реализации не удалась и не избежит провала, но она не была оставлена. Наоборот:

Наши (реальные) экономические системы продолжают производить¹. Наше общество основано на быстром увеличении, на росте, продолжающимся даже тогда, когда он не имеет никаких ясных целей. Растущее общество, развитие которого не поддается контролю, действует, не заботясь о самоопределении². В этой необратимой коме все продолжает функционировать³. *Rigor mortis* заменена *mobilitas mortis* и продолжает давить на педаль газа, ускоряясь уже по инерции⁴.

Первоначально реализация вызвала «всеобщую оргию: реальности, рациональности, сексуальности, критики, антикритики, роста и кризисов роста. Мы... исследовали все пути производства и реального перепроизводства предметов, знаков, сообщений, идеологий, удовольствий». Оргия достигла своей кульминации и, таким образом, «мы все сталкиваемся с ключевым вопросом: ЧТО МЫ БУДЕМ ДЕЛАТЬ ПОСЛЕ ОРГИИ?». Мы не должны прекращать, настаивает Бодрийяр, производство и реализацию. Они продолжают. Они продолжают в пустоте, где они больше не могут реализовываться, где теперь и потом производство не имеет содержания, а реализация — реальности. Но они продолжают:

Мы... проигрываем все сценарии... Они находятся в состоянии развенчанной утопии... Мы остаемся в неопределенной симуляции. Мы живем в бесконечном воспроизводстве идеалов, фантазий, образов и мечтаний, которые находятся теперь позади нас и которые мы должны воспроизводить фатальным безразличием.

«Мы ускоряемся». Мы ускоряемся «в пустоте»⁵, но мы все еще ускоряемся.

Если быть точным, первое сравнение Бодрийяра означает, что навязчивая миссия неверно осуществленной реализации не имеет никакой надежды на успех и происходит в пустоте, более «захватывающей и волнующей», чем обстоятельства, обозначенные навязчивой миссией реализации, якобы *идушей* к победе. Второе сравнение означает, что завершённое состояние всеобъемлющей реальности было бы более неприемлемым, чем ситуация, когда всеобъемлющая реальность находится в пустоте и никогда не достигнет успеха.

Очевидно, Бодрийяр не интересуется ни одним из этих сравнений. Он никогда не обращает внимания, почему состояние, в котором происходит установка полной трансцендентности, менее захватывающее или волнующее, чем состояние, которым управляет «интенсификация процессов», неудачная, обреченная на повторный провал и теперь «... действующая в пустоте»⁶. Оба состояния неизменно следуют из проекта реализации, производства как сокращения космоса, который не является захватывающим ни в коем случае. Бодрийяр также никогда не интересуется, почему достигнутые «сексуальная раскрепощенность, вездесущая порнография, информация, соучастие, свобода во-

¹ Baudrillard J. The Transparency of Evil. Essays on Radical Phenomena. P. 27 (Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. С. 17).

² Ibid. P. 31 (С. 23).

³ Baudrillard J. Forget Foucault. P. 68.

⁴ Baudrillard J. The Transparency of Evil. Essays on Radical Phenomena. P. 102 (Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. С. 86).

⁵ Baudrillard J. The Conspiracy of Art. New York: Semiotext(e), 2005. P. 104–105.

⁶ Baudrillard J. The Transparency of Evil. Essays on Radical Phenomena. P. 31 (Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. С. 15).

ли» более нетерпимы, чем ситуация, в которой неистовые усилия реализовать все это потерпели неудачу и всегда будут терпеть неудачу, но не прекращены, а вместо этого увековечены в пустоте. Бодрийяр не дает объяснения, почему полная идентификация всеобъемлющей реальности, абсолютное приравнивание одного к другому в ней менее приемлемы, чем *status quo*, заметивший распад реальности и признавший невозможность ее поддержания, а также бывший очевидцем непреклонной «симуляции», «переигровки», даже «ускорения» реализации *ad absurdum*. И наконец, Бодрийяр нигде не разъясняет, почему «эпидемия соглашательства, политической лейкемии и скрытой транспарентности» системы были бы более неприемлемы, чем состояние, когда навязывание соглашательства и прозрачности потерпели неудачу и постоянно подвергаются терроризму, но тем не менее продолжают в пустоте, как будто бы им нет конца¹.

Так как Бодрийяра не интересует ни одно из этих сравнений, нет причин перевозносить чрезвычайные явления в связи с тем, что они свидетельствуют и способствуют более волнующим или терпимым условиям. Бедствия гиперсовременности открыты для бесконечной деятельности реализации и производства. В этом нет ничего выгодного, благоприятного, волнующего, ничего, что смягчило бы невыносимую вездесущность реальности. В буквальном смысле, неотъемлемом от анализа порядка реальности, оценка Бодрийяра чрезвычайных явлений как благоприятных добавила бы в его теорию гиперсовременности ряд случайных формулировок и затмила бы уже неуловимые метафизические компоненты.

V

Значение характеристики чрезвычайных явлений как благоприятных изменений, данной Бодрийяром, увеличивается, как только она объединяется с его гипотезами о трансцендентальных условиях, вызвавших эти явления. Его оценки краха реальности и терроризма как элементов игры на метафизике ни в коем случае не случайны, а берут на себя жизненно важную роль в его теории гиперсовременности. В частности, эти формулировки объясняют неожиданные нападения на систему реальности со стороны теоретика, вдохновленного метафизикой.

Оценки Бодрийяра чрезвычайных явлений как долгожданных и выгодных совершенно совместимы с его попыткой объяснить эти явления трансцендентальными законами. В качестве реакции мира — как акт мести со стороны части космоса, — соответствующей его неотъемлемым правилам, крах реальности и терроризм могут быть оценены не только как проявление этих законов в действии; чрезвычайные явления могут быть расценены как *вклад* в укрепление собственных, *присущих* миру принципов, направленный против насилия над реальностью. «Чрезвычайные... и микроскопические явления, — пишет Бодрийяр, — восстанавливают... радикальную иллюзию мира»². Соответственно, «желание событий, свержения порядка вещей» влекут за собой «совершенно кощунственные желания вторжения зла, возвращения тайных правил, которые абсолютно необоснованно... восстанавливают нечто, называя это балансом меж-

¹ Гейн (Gane M. Baudrillard. *Critical and Fatal Theory*. London: Routledge, 1991. P. 175) прав: согласно Бодрийяру, «в оригинальности вещей... мы защищены от "реального"...». При этом мы не защищены — и Гейн не утверждает обратного — от реализации. Следовательно, нет причин полагать, что, как говорит Гейн, «проекту совершенного мира» повезло меньше, чем непреклонной попытке — без перспективы на успех, но и без определенного продолжения — управлять этим проектом.

² Baudrillard J. *The Perfect Crime*. P. 54.

ду силами добра и зла»¹. В таком прочтении чрезвычайные явления открыты *первоначальной* ситуации в мире, более «захватывающей, волнующей», чем реальность, в которой реализация упростила космос. Они помещают мир за пределы реальности и возвращают ему тайну, настолько важную, что трансцендентность, приведенная в жизнь вездесущим производством, нарушает эту тайну. Короче говоря, по сравнению с метафизическими гипотезами, выступающими как показатель изменения присущих миру принципов, чрезвычайным явлениям повезло.

Конечно, оценки этих катастроф, таким образом, не менее шутливы, не менее сфокусированы на стратегии, чем стратегическая метафизическая игра. Но они и не менее важны. Формулировка Бодрийера о выгоде чрезвычайных явлений *дополняют* его трансцендентальные гипотезы. Они конкретизируют их и украшают, добавляя к ним значительный компонент. Символическая метафизика Бодрийера предлагает встряхнуть мировые фундаментальные принципы с помощью чрезвычайных явлений. Дополнение, что крах реальности и терроризм благоприятны, усиливает намек на то, что через эти бедствия, *присущие* миру, *справедливо* возвращаются принципы, борясь с искажением в системе реальности. Другими словами, заручившиеся поддержкой чрезвычайных явлений трансцендентальные гипотезы Бодрийера выглядят теперь не только как объяснения, но и как *оправдания* этих явлений. На вид случайное торжество Бодрийера по поводу распада реальности и терроризма фактически поясняет его метафизические аллюзии, дополняя их иллюзорную объяснительную функцию иллюзорной функцией легитимизации.

Смит возвращается к буквальному прочтению². Он утверждает, что Бодрийер видит терроризм как «истребление», необходимое для достижения уровня «чистого явления», через который Гностик, «ожидающий Третью Эпоху восстановления, обещанную Мани: перераспределения Добра и Зла», стремится получить доступ «к божественной тайне». Если следовать этому объяснению, понятие Бодрийера об укрепляющих, благоприятных катаклизмах подтвердило бы его обращение к основополагающим метафизическим правилам. Опять-таки теоретик и его сомнение будут неправильно поняты, если описать его проект как метафизический.

Во избежание этой проблемы, мысль Бодрийера воспринимается нами в метафизическом аспекте, поскольку метафизические гипотезы питают террористические нападения теоретика на гиперсовременность. «Я очень хотел бы стать Рушди от левых и быть запрещенным — написав запрещенные вещи», — однажды заявил Бодрийер³. Во время дебатов в Нью-Йорке сразу после 9/11 он повторил: «Я не думаю, что есть какое-либо объяснение этого события... но у его аналога есть; анализ может... быть не приемлем, как и событие»⁴. Упоминание трансцендентальных законов в качестве объяснения чрезвычайных явлений гиперсовременности раскрывает их потенциал. Мысль, интересующаяся исключительно постоянными катастрофами реальности, но одновременно продолжающая играть с метафизикой для их объяснения, осуществляет «эротическое восприятие суматохи реальности», принимает тайную интеллектуальную форму и, таким образом, подрывает власть системы реальности, становясь катастрофическим

¹ Baudrillard J. The Intelligence of Evil or The Lucidity Pact. P. 135.

² Smith J. The Gnostic Baudrillard: A Philosophy of Terrorism Seeking Pure Appearance // International Journal of Baudrillard Studies. 2004. Vol. 1(2) — http://www.ubishops.ca/baudrillardstudies/vol1_2/smith.htm.

³ Baudrillard J. Baudrillard Live: Selected Interviews. P. 169.

⁴ Baudrillard J. The Spirit of Terrorism. P. 41.

инцидентом. Таким образом, исследование реальности и присущих ей бедствий, которое представляет трансцендентальные гипотезы иллюзорным объяснением этих бедствий, столь же недопустимо для реальности, как и террористическая кампания, разрушающая глобальный порядок. «Фантазия? Я уже делаю это. Моими персонажами являются множество сумасшедших гипотез, которые коверкают реальность разными способами...»¹. Метафизические формулировки, следующие из анализа status quo Бодрийяра, ударили по принципам реальности, как самолеты, снабженные бомбами замедленного действия, разрушили Всемирный торговый центр. В своем избытке они отвечают гиперсовременному порядку реальности с той же степенью насилия, которую продемонстрировала эта чрезмерная система и свойственные ей отклонения. Мысль возвращает радикальные интеллектуальные явления к условию ультрареализации, вызывающему чрезвычайные явления, в форме метафизической теории условий ультрареализации. Для Бодрийяра этого достаточно. Во всеобъемлющей реальности, где критика теряет свое воздействие на настоящее, стратегическая метафизическая игра в теории гиперсовременности столь же необходима для интеллектуального сопротивления, как «террористическое ситуативное наступление» необходимо для любой оппозиции объединенной власти. Но все же этого слишком мало.

«Абсолютное правило состоит в том, чтобы отдавать больше, чем дали Вам. Никогда меньше — только больше»². Слова Мосса³ и Батая⁴ предписывают: теория должна *превозмогнуть* систему; ответ мысли порядку реальности должен *превысить* насилие, совершенное этим порядком и его яркими вспышками. Именно здесь превращение оценок чрезвычайных явлений в метафизическую игру показывает свое стратегическое значение. Предложить теоретическую структуру, которая включает аллюзии на фундаментальные условия как эксплананс для постоянных катастроф системы, означает вернуть ей рациональный способ, освещающий чрезвычайные явления с помощью самой системы. К тому же предложение теоретической структуры, аллюзии которой на фундаментальные условия были снабжены такими оценками чрезвычайных явлений, что эти аллюзии выступали теперь не только как объяснения, но и как оправдания постоянных катастроф системы реальности, должно возратить системе более радикальные интеллектуальные явления. Заявление, что вдохновленные метафизикой нападения Бодрийяра на гиперсовременность порождают «мысль о чрезвычайных явлениях» как об умозрительном терроризме, не исчерпывает вопроса. Террористическое коверкание является ключевым аспектом нападений Бодрийяра: допуская метафизические формулировки в рамках теории гиперсовременности, мысль противостоит порядку реальности и его ярким вспышкам с той же степенью враждебности. Что важнее, дополняя эти формулировки представлением о чрезвычайных явлениях как выгодных инцидентах, теория гиперсовременности стремится к реакции, которая *превозмогла бы* наступление против системы реального со стороны прирожденных врагов⁵. Другими словами, идея

¹ Baudrillard J. Cool Memories II. 1987–1990. P. 21.

² Baudrillard J. The Perfect Crime. P. 105.

³ Mauss M. The Gift. The form and reason for exchange in archaic societies. London: Routledge, 1990.

⁴ Bataille G. The Accursed Share. An Essay on General Economy. 1994. Vol. 1. P. 63–77 (Батай Ж. Проклятая доля. Пер. с фр. Б. Скуратова, П. Хицкого. М.: Гнозис-Логос, 2003).

⁵ Формулировка Гейна (Gane M. Baudrillard's Lucidity Pact // Theory Culture & Society. 2007. № 24 (5). P. 129) — «...ключевое правило влиятельности теории гласит: загадке, противостоящей ей, отвечают

состоит в том, что, если теория, предлагающая трансцендентальные гипотезы как иллюзорные объяснения внутренних бедствий порядка реальности, столь же недопустима для этого порядка, как террористическая кампания, иллюзорные объяснения и иллюзорные *оправдания* внутренних бедствий порядка реальности должна быть еще менее приемлемыми для этого порядка, чем терроризм для глобальной власти. Теория, интересующаяся постоянными бедствиями реальности, но продолжающая играть с интеллектуальными тайными метафизическими форм для их освещения, подрывает власть реальности в той же степени, что террористическое нападение, обусловленное системой нулевой смертности, вызывающая невыносимые ей несчастные случаи со смертельным исходом, подрывает эту систему. В свою очередь, теория, интересующаяся глобальной системой нулевой смертности и ее внутренними катаклизмами, продолжает играть с трансцендентным, чтобы объяснить и *узаконить* эти катаклизмы и неизбежные смертельные случаи, вызванные ими, стремится вызвать еще большее разрушение этой системы, чем ее собственные смертельные вирусы. Если стратегическое участие в метафизической игре теперь необходимо для теории интеллектуальной оппозиции всеобъемлющей реальности как «террористическое ситуативное наступление», обязательное для всех форм политического сопротивления глобальной транспарентности, то дополнение трансцендентных гипотез оценками чрезвычайных явлений как благоприятных более чем необходимо. Только дополняя игривые метафизические формулировки о неотъемлемой катастрофичности реальности таким же игривым их торжеством, добавляющим к атмосфере объяснения дух оправдания, мысль, не имея аналогов, может получить преимущество и превзойти систему, чья производительность стала настолько необъятной, что разрушается в основании.

Бодрийяр не питает иллюзии, что реальный порядок можно превзойти без жертвы со стороны мысли. Критическая теория могла бы прибегнуть к ссылке на пытки людей, превращенных в пепел в лагерях, чтобы уничтожить догму метафизики, как лживую, и пригвоздить бедственную социальную реальность к позорному столбу современности.

Чувство, которое после Освенцима борется против любого притязания на позитивное существование — с ханжеская болтовней о несправедливости к жертвам — против попытки преуменьшить любое значение в жизни имеет объективный момент после событий, которые обрекли значение внутренних качеств, происходящих из точно установленной трансцендентности, на осмеяние. Такое построение оправдало бы абсолютную негативность и идеологически помогло бы ее продолжительному существованию, которое реально, в любом случае, находится в основании существующего общества, ведя его к самоуничтожению. Землетрясения в Лиссабоне было достаточно, чтобы впечатлить Вольтера из теодицеи Лейбница, и постижимая катастрофа первичной природы была незначительной по сравнению со второй, социальной, которая бросила вызов человеческому воображению, превратив человеческое зло в реальный ад. Возможности метафизики парализованы, потому что случившееся в основании разрушило возможность совмещения спекулятивной метафизики с опытом¹.

не менее загадочно» — достаточно сдержана. Если быть точнее, то Бодрийяр сказал: «Отвечают еще *более загадочно*».

¹ Adorno T.W. Negative Dialektik. P. 354 (Адорно Т. В. Негативная диалектика. С. 332). Уточняя выражения Адорно, Редмонд незначительно изменил этот перевод.

Напротив, Бодрийяр стал свидетелем состояния, когда чрезмерная реализация принесла в жертву саму реальность. Если интеллектуальный ответ такому состоянию представлять собой нечто большее, чем ошеломляющая мистификация, то он должен быть возвращением дара. В работе Бодрийяра он принимает форму теории гиперсовременности, которая совмещает иносказательную, иллюзорную метафизику с благоприятными оценками общественных катастроф. Теория приводит к самоубийству критической мысли, капитуляции критического анализа реальности и его идеологической завесы. Протест замученной природы против социального страдания — требование, чтобы исчезло горе, выражаемое при каждом случае философами от Ницше¹ до Адорно², — заключенный в скобки, замалчивается: (это никоим образом не должно отказать [жертвам] в страдании и смерти)³. Существуют две противоречивых реакции на «человека, которому больно», говорит Бодрийяр⁴: малодушное «сострадание» или «небрежность», «безразличие», «апатия» и «насмешка», выражающие «великодушие», «зло», «злонамеренность», «безжалостность оригинальности». Он выбирает последнее. Эта жертва в отношении мысли необходима, чтобы усилить вызов, брошенный ею несчастному, пагубному реальному порядку. Бодрийяр оценивает радикальные явления как благоприятные, поскольку эти оценки усиливают его стратегические метафизические аллюзии и, таким образом, отодвигают нападение теоретика на гиперсовременность на один шаг в сторону от радикализма. Это нападение больше не черпает свое вдохновение у доморощенных террористов, которые теперь выглядят невинными. Стратегия теоретика и сдержанного метафизика, направленная на выигрыш у системы чрезвычайных явлений, берет пример в другом месте:

Разрушение башен — важнейшее символическое событие... Их драматический конец... напоминает самоубийство. После непосредственного наблюдения за их разрушением, выглядящем, как внутренний взрыв, создалось впечатление, что они совершали самоубийство в ответ на самоубийство самолетов... Никто, даже не один террорист, не рассчитывал на полное разрушение башен⁵.

Перевод с английского М.Е. Богдановой

¹ Nietzsche F. Also sprach Zarathustra. Ein Buch für Alle und Keinen. P. 397 (Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого. С. 286).

² Adorno T.W. Negative Dialektik. P. 203.(Адорно Т. В. Негативная диалектика. С. 187).

³ Baudrillard J. The Spirit of Terrorism. P. 24.

⁴ Baudrillard J. Cool Memories II. 1987–1990. P. 14.

⁵ Baudrillard J. The Spirit of Terrorism. P. 47.